

С. И. Дмитриева

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА В ВОСПРИЯТИИ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Информация о вылете Риббентропа в Москву для заключения пакта о ненападении была передана Немецкой службой новостей уже 21 августа 1939 г. Эта сенсация и последовавшее затем ее подтверждение в виде подписанного документа долгим эхом отозвались в прессе всего мира. Первоначальный шок, вызванный заключением пакта, весьма удачно описан в периодическом органе правления социал-демократической партии Германии в эмиграции (Сопаде) «Социалистические известия»:

...сообщение о поездке Риббентропа в Москву в мировой прессе подействовало как чудовищная неожиданность. Нацистские газеты торжествуют по поводу предполагаемого краха «политики окружения». «Ангрифф»¹ празднует восстановление здоровой немецко-русской дружбы. Московская «Правда», которая совсем недавно критиковала Третий Рейх, теперь посвящает себя острой критике Японии. Японская пресса выражает горькое разочарование в ненадежном берлинском союзнике. Итальянские газеты объявляют мир спасенным. Польская пресса объясняет, что Польша может продержаться и без России и пророчит свою победу вместе с Англией и Францией. Остальная европейская пресса в большинстве своем пишет, что в неожиданный поворот верит еще не до конца².

День 23 августа 1939 г. явил собой действительно резкий поворот в советской внешней политике, который неминуемо должен был отразиться на восприятии Советского Союза представителями различных партий, блоков и групп, так или иначе связанных с рабочим движением.

Попытаемся проанализировать позиции по данному вопросу четырех крупнейших течений в немецкой социал-демократической эмиграции: Правления социал-демократической партии Германии в эмиграции (Сопаде), Интернационалер социалистишер кампфбунд (ИСК), группы Ной Бегиннен, социалистической рабочей партии Германии (СРПГ) и проследить последствия заключения

пакта для дальнейшего развития международного социалистического движения.

Sopade

Первая обширная аналитическая статья появилась в «Социалистических известиях» от 26 августа. В ней на основе анализа предшествующих подписанию договора событий (отставка Литвинова непосредственно после начала переговоров с Францией и Англией, последовавшая вскоре речь Молотова, в которой он высказал пожелание улучшения отношений с Германией, бросающийся в глаза визит представителя русской торговой миссии Астахова, секретные предварительные переговоры фон Папена, все новые требования СССР к Франции и Англии, заключение торгового договора между Москвой и Берлином) доказывается, что «бомба» пакта Гитлер — Сталин не была брошена так неожиданно, как это представляется... удивленным современникам» и что «пакт Москва — Берлин был уже решенным делом, когда Риббентроп начал свою поездку в Москву»³.

С точки зрения воздействия на рабочее движение заключение пакта было определено не просто как удар кинжалом в спину борцов-антифашистов и европейской демократии, но «как следствие сталинской политики, которая связывает тезис о построении «социализма в одной стране» с чисто эгоистичной, ограниченной собственными интересами Советского Союза силовой политикой», ради которой «Сталин использовал своих собственных товарищей во всех других странах как слепой инструмент в целях, оставшихся им неизвестными»⁴.

В периодическом печатном органе Сопаве «Нойер Форвертс» от 27 августа пакт был прокомментирован как «полный переворот международной ситуации»⁵. Последствия его подписания представлялись руководству СДПГ еще не вполне ясными. Но уже через несколько дней Рудольф Гильфердинг⁶ опубликовал статью, в которой назвал Сталина «партайгеноссе», а Гитлера — «товарищем» и объявил Россию не родиной социализма, а «не-развитой страной, где небольшая клика осуществляет свое кровавое, постыдное господство, ...точно так же, как гитлеровские банды и последователи Муссолини в Германии и Италии»⁷. Гильфердинг воспринял подписание пакта как своего рода «моральное освобождение»⁸ от тоталитарных коммунистических стереотипов и несомненный повод для начала оздоровления рабочего движения.

В следующем номере «Нойер Форвертс» содержалось офици-

альное объяснение позиции Сопате по вопросу подписания пакта о ненападении. Пакт был определен как «предательство мира» и «тяжелый удар» оппозиционному движению в Германии⁹. Что касается КППГ, «празднующей заключение этого непоправимого пакта как великий поступок Сталина в мирных целях¹⁰ и тем самым снова доказавшей, что у нее нет других задач, кроме организации пропаганды внешней политики сталинской диктатуры за рубежом»¹¹, то Сопате призвала всех членов партии не вступать ни в какие контакты с коммунистами и не сотрудничать в организациях, членами которых являются представители КППГ. Э. Олленхауэр¹² потребовал размежевания с теми, кто все еще видел в предательстве Сталина особенную мудрость руководства СССР¹³.

Определение СССР как тоталитарного государства получило дальнейшее развитие в статье «Смысл войны». Ее автор, Р. Гильфердинг, характеризовал войну как идеологическую — против Гитлера и Сталина, так как оба представляют тоталитарные системы, между которыми нет существенного различия¹⁴.

Ф. Штампфер¹⁵ пошел дальше и заявил, что большевизм хуже капитализма, приводя в качестве довода тот факт, что всю жизнь он боролся против капитализма в капиталистической стране. Борьба же с большевизмом можно только за пределами большевистского государства. «Рабочему, который стал неудобным в сталинской России, остается только петля, если ему уже не отрезают голову или не простреливают лоб»¹⁶.

Таким образом, реакция ведущих функционеров Сопате на заключение советско-германского пакта была выдержана в единой цветовой гамме — коричневой, а после развязывания войны и по мере выполнения Красной Армией пунктов секретного протокола краски все больше сгущались.

ИСК

Первая реакция ИСК последовала 25 августа 1939 г. и была скорее недоуменной, нежели возмущенной. Размышляя о причинах заключения пакта, Вилли Айхлер¹⁷ писал: «Русским, возможно, представляется, что войну, которая, казалось, идет на восток, они вытеснили на Запад и тем самым получили шанс остаться в войне «капиталистов друг против друга» посмеивающимся третьим; может быть и так, что они хотели оказать давление на ход переговоров с двумя западными союзниками, сделать их сговорчивее для принятия русских требований; может быть, они хотели создать угрозу для Японии, показать, что в бу-

душем, если там не будет покоя, вся Красная Армия повернет на Восток; может быть также — и это мы считаем решающей причиной, — что это — попытка изолировать русскую внешнюю политику от происходящего в мире, чтобы не отвлекаться от борьбы с внутренними проблемами, — за действиями русских может стоять все что угодно!»¹⁸.

Но какими бы причинами ни было продиктовано заключение подобной сделки, для Айхлера пакт означал ослабление позиции Советского Союза с моральной точки зрения. Признавая за Сталиным право «не позволять использовать себя как шахматную фигуру в капиталистической силовой игре», В. Айхлер указывал, что этот путь уничтожает в социалистах и сочувствующих им «веру в возможность осуществления, даже в правильность самой социалистической цели»¹⁹.

Статья Айхлера, опубликованная в «Социалистише Варте» 1 сентября, носит более непримиримый характер. Автор придерживался следующей точки зрения: теперь социалисты должны попытаться воспрепятствовать тому, чтобы завоевания русской революции «задохнулись в оппортунистической давке за пустые позиции силы». «Отвратительной» назвал он сталинско-гитлеровскую политику. И — «Социализм умер — да здравствует социализм!»²⁰.

В следующем выпуске «Социалистише Варте» В. Айхлер опубликовал сразу две резкие по тону и содержанию статьи. Здесь он объявил СССР вторым государством, ответственным за развязывание войны. Несмываемая вина Сталина состояла в том, что нейтралитет СССР в решающий момент окончательно развязал руки Гитлеру и способствовал нападению Германии на Польшу. Сталин разрушил надежды социалистов на то, что «Россия употребит свои огромные возможности на пользу международному социалистическому движению, праву и свободе»²¹. В статье «Долой агрессоров!» В. Айхлер указывал, что пакт «должен быть осужден от а до я», и против кремлевских руководителей нужно бороться также, как и против нацистов. Одновременно предлагалось говорить не о Советском Союзе, а только о России, потому что именно там «проводится политика поддержки фашистов». Для Айхлера агрессоров звали «Гитлер и Сталин»²².

После заключения пакта все партии, входящие в Коминтерн, стали именоваться не иначе, как «русские агенты для введения в заблуждение общественного мнения», «непосредственные по-

мощники гестапо»²³, которых нужно вычеркнуть из списка партий, борющихся за свободу и право.

Как видно из вышеприведенных документов, позиция В. Айхлера, совпадая с позицией Сопаде по многим пунктам, до вступления советских войск в Польшу все же отличалась большей терпимостью. Во всяком случае, за СССР признавалось право на независимую внешнюю политику. Но с началом войны образ Советского Союза, формируемый и изданиями Сопаде, и «Социалистише Варте», стал практически идентичным.

Ной Бегиннен

В июле 1939 г. группой был принят меморандум «Перемены Советского Союза», в котором указывалось, что международное рабочее движение должно рассматривать СССР критически, «оставаться независимым от него, чтобы привести в движение оппозиционные силы против сталинизма»²⁴.

Резкие перемены в восприятии СССР обозначились после пакта. «Инландс-Берихте» прокомментировали событие 23 августа замечанием о том, что осознание возможности будущей победы над фашизмом собственными силами и «вне зависимости от русского руководства» теперь окончательно укрепилось²⁵.

Через несколько дней последовало обращение Бюро Ной Бегиннен в Париже, принципиальная позиция группы в отношении войны из-за выхода СССР из антигитлеровского блока не изменилась. Причину заключения пакта группа Ной Бегиннен видела в советской политике «спасайся, кто может»²⁶. Рихард Лёвенталь²⁷ писал, что СССР, возможно, «будет в дальнейшем продолжать политику обусловленной поддержки Германии, неучастия в войне, усиления собственных позиций и ослабления всех остальных»²⁸. По мнению Лёвенталья, советско-германское сотрудничество ничего не изменило в основополагающих позициях социалистического рабочего движения, так как вследствие внешнеполитического поворота сталинский режим перестал быть «фактором социалистического движения и стал кандалами для прогрессивного влияния социализма»²⁹.

Эрвин Шоеттл³⁰ выразил общее мнение всех членов группы: «Мы убеждены, что русская политика больше не имеет ничего общего с международным социализмом»³¹.

В статье «Внешнеполитический поворот Советского Союза» особое внимание было уделено обстоятельствам подписания пакта: флаги со свастикой на московском аэродроме; фотографии, демонстрирующие улыбающихся и пожимающих друг другу руки

Сталина и Риббентропа; заявления советской прессы о начинающейся эре дружбы, взаимопонимания и сотрудничества; точно такие же заявления в нацистской прессе; прекращение пропаганды друг против друга. «Но какими интересами руководствовалось советское правительство при заключении пакта? Два года назад на этот вопрос тотчас же ответили бы: внутренняя слабость! ... нет сомнений, что русский колосс стоит вовсе не на таких крепких ногах, как это хочет представить русская пропаганда», — отмечалось в статье³².

В качестве двух остальных побудительных мотивов назывались «давний страх Советов перед войной с империалистическим миром в одиночку» и потребности самого сталинского режима в самосохранении. Монополистическая диктатура партии развилась в итоге в личную диктатуру Сталина, потеряв всякую эластичность. В таких условиях втягивание СССР в войну вызвало бы массовое движение и привело бы в конце концов к свержению сталинского режима. Именно с целью устранить эту опасность Сталин предпринял попытку повернуть нацистскую агрессию с Востока на Запад. Учитывая данные обстоятельства, «не исключен новый поворот сталинской внешней политики. Судя по тому, что произошло, при этом режиме, развившемся в личную диктатуру, возможно все»³³.

Наконец, в декабре 1939 г. было сформировано окончательное отношение к СССР в свете событий, развернувшихся после 23 августа: «Этот режим стоит сегодня вне социалистического движения; он — союзник его смертельного врага»³⁴.

Таким образом, вначале группа Ной Бегиннен была настроена лояльнее всех по отношению к Советскому Союзу: ее представители склонны были различать советский народ и сталинский режим, пытались провести анализ причин, подстегнувших заключение пакта, и в их рассуждениях была явно слышна оправдывающая СССР нотка. Но после вторжения в Польшу отношение к сталинской политике, проводимой при молчаливом согласии большинства, характеризовалось полным неприятием. В результате заключения пакта о ненападении эта группа понесла самые тяжелые идеологические потери.

Социалистическая рабочая партия Германии

В печати Социалистической рабочей партии Германии периодически появлялись статьи, посвященные происходящему в Советском Союзе. В «Нойе Фронт» нашли отражение и события начала мая 1939 г. (отклонение британским правительством пред-

ложения советского руководства о заключении союза, отставка Литвинова), и обстановка на трехсторонних переговорах в Москве. Анализируя возможные варианты внешнеполитического поведения Советского Союза, автор видит договор с фашистской Германией в качестве альтернативы блоку с западными демократиями — если союз с ними не состоится. Правда, «серьезный союз» СССР и Германии представляется ему едва ли возможным и даже, скорее, невозможным, «не из-за Сталина, не из-за Гитлера, не потому, что Германия является фашистской, а потому что она является империалистической. Это не та идеология, которая определяет реальность, но наоборот»³⁵. Иными словами, возможность заключения такого пакта не принималась всерьез, однако она и не исключалась полностью. Вероятно, поэтому сообщение о подписании договора не стало полной неожиданностью для представителей СРПГ. Первая реакция Вилли Брандта³⁶ была дословно следующей: «Страна Октябрьской революции как революционная сила полностью выбыла из игры», он был готов поставить Сталина «рядом с Гитлером как реакционную силу первого порядка»³⁷.

Через некоторое время было опубликовано официальное заявление СРПГ. В руководстве партии царило полное единодушие: сталинская политика не имеет ничего общего с социализмом и находится в остром конфликте с интересами рабочего движения. Была подчеркнута полная независимость от СССР и объявлено, что с коммунистами не может быть никакого сотрудничества³⁸.

Б. Гольденберг³⁹ потребовал проклятия сталинской политики с точки зрения независимого социализма, отмены пароля «защита Советского Союза», ибо СССР неотделим от Сталина; ни в коем случае не идти на соглашения с «агентами Сталина»⁴⁰.

Оценка пакта и изменившейся с его подписанием международной обстановки представителями СРПГ была весьма схожа с оценкой Сопаде и ИСК. Не питая никаких иллюзий насчет возможных действий СССР, СРПГ лишь укрепились в мысли о необходимости проведения независимой от коммунистов политики.

Рассмотрев реакцию представителей четырех крупнейших течений в немецкой социал-демократической эмиграции на заключение пакта о ненападении, можно выделить некоторые общие черты: недоумение, отсутствие однозначных суждений, выжидание вначале и все более резкое отторжение пакта и последовавшего за ним развязывания войны. Заметнее всех этот переход был у группы Ной Бегиннен, слабее он был выражен у представителей СРПГ.

*Последствия подписания пакта о ненападении для развития
международного социалистического движения*

По мнению Я. Фойтцика, реакция на пакт была «симптомом экстремальной психологической ситуации, в которой находились подпольщики и эмигранты. В этом экстремальном положении элементы волюнтаризма и компенсации стали несущими моментами атомизированной политической идентификации». Советский Союз играл до 1939 г. важную роль именно как «несущий элемент политической компенсации». После пакта кажущийся характер этого элемента был осознан. Тем самым пакт Гитлера—Сталина выполнил функцию катализатора⁴¹ и способствовал активизации в социалистической среде ряда процессов.

1. Переосмысление отношения к СССР. Э. Маттиас интерпретировал этот факт как прекращение «восточной ориентации» отдельных социал-демократических групп⁴². Большинство социал-демократов определили пакт как «удар кинжалом в спину борцов-антифашистов». Сопаде связал заключение пакта с тезисом о построении социализма в отдельно взятой стране. Даже самые лояльные по отношению к СССР избавились от иллюзии, что с уходом Сталина эра тоталитаризма в Советском Союзе закончится, и впоследствии не делали различий между СССР и сталинским режимом. После пакта много писали о внутренней слабости СССР (колосс на глиняных ногах), о большом количестве серьезных проблем. Эта, пока предполагаемая, слабость потом станет явной во время войны с Финляндией. В конечном счете у социал-демократов появился новый довод в политической борьбе: СССР показал свое истинное лицо.

2. Подобное «переориентирование» привело к тенденции по преодолению разногласий в социал-демократическом лагере. По этому поводу Р. Кац⁴³ писал Ф. Штампферу: «Пакт Гитлер-Сталин, кажется, гонит к нам обратно всех известных представителей раннего народного фронта. Ауфхойзер⁴⁴, Тони Зендер⁴⁵, Зигфрид Марк⁴⁶ и многие другие скромно стучатся сейчас снова в наши двери⁴⁷. Развитие данной тенденции привело весной 1941 г. к основанию «Союза немецких социалистических организаций в Великобритании», куда вошли СДПГ, СРПГ, Ной Бегиннен, ИСК, и ускорило возникновение подобных организаций в других странах.

3. Пакт явился окончательным «смертельным ударом»⁴⁸ по усилиям, связанным с формированием единого социал-демократическо-коммунистического фронта и привел к отказу от сотру-

ничества с коммунистами. Я. Фойтцик, считал, что эта тенденция в глобально-политическом смысле заложила основы конфликта Восток — Запад, ибо коммунистическая партия «оставалась отмеченной признаками связи с тоталитарной диктатурой. Антифашистское сопротивление перешло в антитоталитарное»⁴⁹.

4. Заключение пакта вызвало внутренний кризис в среде коммунистов и парализовало коммунистическое сопротивление, по крайней мере, до нападения Германии на Советский Союз.

Одним из самых значительных примеров коммунистического кризиса служит случай с Вилли Мюнценбергом⁵⁰. Все причины, побуждавшие его к лояльному молчанию в отношении Советского Союза даже в 1937—1938 гг., после 23 августа были исчерпаны. Пакт он расценил как удар кинжалом, в одной из статей назвал Сталина предателем⁵¹, пошел на конфликт с КПГ и стал склоняться в сторону социал-демократии⁵².

5. В целом пакт Молотова — Риббентропа был толчком, вызвавшим «перевод стрелок» в сторону теоретического и программного развития социализма в Германии и в Центральной Европе, которое после войны привело к укреплению мировоззренческих и политических позиций современного демократического социализма с его плюралистическими максимумами.

---

¹ «Ангрифф» — газета национал-социалистов, издавалась в Берлине в 1927—1945 гг., сначала один-два раза в неделю, с 1931 г. стала ежедневной.

² Sozialistische Mitteilungen. 1939. 23 Aug.

³ Там же. 1939. 26 Aug.

⁴ *Ibid.*

⁵ Der Hitler-Stalin-Pakt. Völliger Umsturz der internationalen Situation // NV. 1939. 27 Aug. № 323.

⁶ Гильфердинг, Рудольф (1877—1941); 1922—1933 гг. — член Президиума СДПГ, 1933 г. — эмиграция в Данию, Швейцарию, сотрудничество с Сопаде; публиковался в «Нойер Форвертс» (псевдоним — Рихард Керн); главный редактор «Цайтшрифт фюр Социализмус», с 1938 г. жил в Париже. В 1941 г. вместе с Р. Брайтшайдом был выдан гестапо. 10 октября 1941 г. последовало официальное заявление о его смерти, причины которой окончательно не установлены.

⁷ Der Kurs der russischen Außenpolitik: Pg. Stalin und Towaritsch Hitler // NV. 1939. 2. Aug. № 324.

⁸ *Ibid.*

⁹ Zum Hitler-Stalin-Pakt. Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands und der deutsch-russische Nichtangriffspakt // NV. 1939. 10. Sept. № 324.

¹⁰ О позиции КПГ см. подробнее: *Foitzik, Jan (Hg.) Die Kommunistische Partei Deutschlands und der Hitler-Stalin-Pakt. Die Erklärung des Zentralkomitees vom 25. August 1939 im Wortlaut // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hg. von K.D. Bracher, H.-P. Schwarz. 1989. Juli. Heft 3. S. 499—515; Stellungnahme von Wehner und Ulbricht zum Hitler-Stalin-Pakt // Müller,*

Reinhard (Hg.). Die Akte Wehner. Moskau 1937 bis 1941. Berlin, 1993. Dok. 47. S. 382—394; а также: Das kommunistische Exil und der deutsch-sowjetische Nichtangriffspakt // Politische Aspekte des Exils. Hrsg. im Auftrag der Gesellschaft für Exilforschung von Thomas Koebner in Verbindung mit Lieselotte Maas. München, 1990. S. 29—45.

¹¹ Zum Hitler-Stalin-Pakt.

¹² Олленхауэр, Эрих (1901—1963), член СДПГ с 1919 г. В 1933 г. был избран в Сопаде. Эмигрировал в Прагу, в 1940 г. — в Лиссабон, 1941 г. — в Лондон. С марта 1941 г. — представитель СДПГ в Исполнительном Комитете «Союза немецких социалистических организаций в Великобритании». В 1946 г. возвратился в Германию.

¹³ *Ollenhauer, Erich*. Lindstaedt (10.10.1939) // AsD (Emigration Sopade) 79.

¹⁴ *Hilferding*. Der Sinn des Krieges // NV. 1939. 31 Dezemb. № 341.

¹⁵ Штампфер, Фридрих (1878—1957), с 1925 г. член Президиума СДПГ, с июня 1933 г. — Сопаде, в 1933—1935 гг. — главный редактор «Нойер Форвертс». В 1938 г. эмигрировал в Париж, в 1940 г. — в Нью-Йорк. Возвратился в Германию в 1947 г.

¹⁶ *Stampfer F.* Moskau ohne Maske // NV. 1939. 31 Dezem. № 341.

¹⁷ Айхлер, Вилли (1896—1971), в 1925 г. основал ИСК, который возглавлял с 1927 г. В 1933 г. эмигрировал во Францию, с 1934 по 1940 г. издавал печатный орган ИСК «Социалистиче Варте», публиковался под псевдонимом Мартин Харт. В начале 1939 г. — дальнейшая эмиграция в Лондон, где руководил группой ИСК.

¹⁸ *Fresius Ernst (=Eichler W.)*. Zum Nichtangriffspakt // SW. 1939. 25 Aug. № 34. S. 818—819.

¹⁹ *Ibid.* S. 819.

²⁰ *Fresius Ernst (=Eichler W.)*. Zwei Machthungrige. Gedanken zur Logik der Dinge // SW. 1939. 1 Sept. № 35. S. 829.

²¹ *Holz W. (=Eichler W.)*. Die Aufgabe // SW. 1939. 15. Sept. № 36. S. 854—855.

²² *Fresius E. (=Eichler W.)*. Nieder mit den Agressoren // *Ibid.* S. 858.

²³ *Hart (=W. Eichler)*. Schluß mit dieser Methode // SW. 1939. 22 Sept. № 37. S. 872.

²⁴ Wandlungen der Sowjetunion — Zur Neubeurteilung der russischen Fragen nach dem achtzehnten Parteitag; by Paul Hagen, Juli 1939 // IISG; NL Karl Frank.

²⁵ Inlands-Berichte. 1939. 25 Aug. № 53.

²⁶ NB Büro Paris, R(und) Schr(eiben), 30. Aug. 1939. // IISG; Amsterdam; NB, 20.

²⁷ Лёвенталь, Рихард (1908—1991), 1929—1931 гг. — член КПГ(О), 1932 г. — присоединение к Ной Бегиннен, с 1933 г. ее идеолог и руководитель. Псевдонимы: Пауль Серинг, С. Боннер, Эрнст; 1935 г. — эмиграция в Чехословакию, 1938 г. — в Париж, 1939 г. — в Лондон, после начала войны редактор «Reports from Inside Germany». После окончания войны остался в Великобритании.

²⁸ *Sehring (=Löwenthal)*. Zur Einschätzung der deutsch-russischen Zusammenarbeit, Diskussionsgrundlage, 1. Oktober 1939; Nachschrift 4. Oktober 1939. SG, NB, 41.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Шоеттл, Эрвин (1899—1976), член СДПГ с 1919 г., в 1933 г. —

эмиграция в Швейцарию, затем Прага, Париж. В июне 1934 г. из протеста по отношению к Пражскому манифесту и к методам работы Сопаде в Германии присоединяется к группе Ной Бегиннен. 1939 г. — переезд в Лондон. 1941—1945 гг. — член Исполнительного комитета Союза немецких социалистических организаций в Великобритани, куда вошла группа Ной Бегиннен. Возвратился в Германию в 1946 г.

³¹ Schoettle Erwin. N.N.; 26. September 1939 // AsD; NL Schoettle.

³² Die außenpolitische Wendung der Sowjetunion //SIB. 1939. Oktober. № 48. S. 5.

³³ *Ibid.* S. 6.

³⁴ Russlands Schwenkung und die sozialistische Bewegung // SIB, 1939. Anfang Dezember. № 49. S. 22.

³⁵ Neue Front. Paris, 1939. № 6. S. 123.

³⁶ Брандт, Вилли (1913—1992), до 1933 г. — Фрам, Герберт Эрнст Карл, 11 августа 1949 г. — официальная перемена фамилии. 1929 г. — вступление в союз «Социалистическая рабочая молодежь», 1930 г. — СДПГ, октябрь 1931 г. — переход в СРПГ. Сотрудник «Социалистиче Арбайтерцайтунг». 1933 г. — в рыбацкой лодке переправляется в Норвегию; руководитель Заграничного бюро СРПГ в Осло; 1939 — 1949 гг. — ведущий член Рабочего общества австрийских и немецких социалистов Осло. Июль 1949 г. — нелегальный переход шведской границы. После войны журналистская деятельность в Швеции и Норвегии. 1948 г. — возвращение в Германию.

³⁷ Willy (Brandt) an Jim (Walcher). 26. August 1939 // AsD/WBA.

³⁸ Willy Brandt. 4 November 1939. // AsD/WBA/-Publ. 1933—1944.

³⁹ Гольденберг, Борис (род. 1905), в Германии с 1920 г., член СДПГ с 1924 г., в 1926 г. после налаживания контактов с КПГ исключен; в 1927 г. вступил в КПГ, с 1932 г. — член СРПГ; 1933 г. — эмиграция в Париж, член Заграничного руководящего центра партии. Публиковался под псевдонимом Р. Фрей. После начала войны — бегство в Южную Францию, в 1941 г. — на Кубу.

⁴⁰ Boris (Goldenberg) an Willy (Brandt). 23. Oktober 1939. // AsD/WBA.

⁴¹ *Foitzik, Jan.* Reaktionen der deutschen Linken auf den Hitler-Stalin-Pakt // Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe und Auswirkungen; Dokumentation eines Symposiums der Volkshochschule Brigittenau / Gerhard Bisovsky, Hans Schafranek, Robert Streibel (Hg.). Wien, 1990. S. 83.

⁴² Matthias, Erich. Die deutsche Sozialdemokratie und der Osten 1914—1945. Tübingen 1954. S. 97—99.

⁴³ *Кац, Рудольф* (1895—1961), член СДПГ с 1929 г. 1933 г. — эмиграция в Китай, 1935 г. — Нью-Йорк, с 1938 по 1946 г. — редактор «Нойе Фолькс-Цайтунг», печатался под псевдонимом Михаэль Кюль. С 1939 г. — член Немецкой рабочей партии; 1941 г. — генеральный секретарь Немецко-американского комитета освобождения Германии от нацизма. Возвратился на родину в 1946 г.

⁴⁴ Ауфхойзер, Зигфрид (1884—1969), член СДПГ с 1912 г., в 1933 г. выбран в Президиум партии; эмиграция в Париж, затем в Прагу; принят в Сопаде. Совместно с Карлом Бёхелем руководил Рабочим кружком революционных социалистов Германии (RSD). В 1935 г. — исключен из Сопаде; в 1937 г. вышел из RSD. 1938 г. — переезд в Париж, май 1939 г. — через Лондон в Нью-Йорк. Вступление в Немецкую рабочую делегацию. Возвратился на родину в 1951 г.

⁴⁵ Зендер, Тони (1888—1964), вступила в СДПГ в 1908 г., с 1927 г. —

редактор «Мира женщины», сотрудничество в «Классовой борьбе» и «Марксистских листках». 1933 г. — эмиграция в Бельгию, вступление в ряды RSD. 1935 г. — эмиграция в Нью-Йорк; с 1941 г. — член социал-демократического Совета по освобождению Германии от нацизма и Ассоциации свободных немцев.

⁴⁶ Марк, Зигфрид (1889—1957), в СДПГ пришел из круга младосоциалистической оппозиции. 1933 г. — эмиграция во Францию; сотрудничество с «Нойер Форвертс» и «Дойче Фрайхайт». Член оппозиционной группы СДПГ в Париже, находившейся под влиянием так называемых социал-демократических левых. Март 1934 г. — роспуск группы и новое конституирование под председательством Марка. Конец 1934 г. — распад группы и отставка Марка. 1939 г. — эмиграция в США. Член Ассоциации свободных немцев; присоединение к Немецкой рабочей делегации.

⁴⁷ Katz (New York) an Stampfer (Paris) 9.9.1939 // *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration.* Aus dem Nachlaß von Friedrich Stampfer. Düsseldorf, 1968. Dok. 70. S. 415.

⁴⁸ *Schneider, Michael.* Unterm Hakenkreuz. Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. Bonn, 1999. С. 1057.

⁴⁹ *Foitzik, Jan.* Op. cit. S. 84.

⁵⁰ *Мюнценберг, Вилли* (1889—1940), 1919 г. — вступление в ряды КПП, с 1924 г. — член ЦК КПП. Создатель и руководитель «Мюнценберг-концерна», состоявшего из ряда коммунистических печатных изданий; 1933 г. — эмиграция во Францию. В 1935 г. участник VII Конгресса Коминтерна, после которого развивал инициативу по созданию Народного фронта в эмиграции. 1939 г. — исключение из КПП по подозрению в троцкистской деятельности; присоединение к DFP; основание группы «Друзья социалистического единства Германии» (группа Мюнценберга). В 1940 г. при отступлении из лагеря интернированных вблизи Лиона погиб при невыясненных обстоятельствах.

⁵¹ *Leonhard, Wolfgang.* Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes. Erinnerungen aus der Sowjetunion, Westeuropa und USA. Freiburg; Basel; Wien, 1986. S. 213—214.

⁵² *F. Stampfer.* Die dritte Emigration // *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 112.

Г. Н. Мокшин

**ИДЕОЛОГИ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Что такое русская интеллигенция и какова ее роль в общественной жизни дореволюционной России? Исключительную остроту эти вопросы приобретают в последней трети XIX в.,